

К вопросу об определении фундаментальной проблемы

Мусс А.И.

В данной статье предлагается попытка объяснить специфику психологической науки (в том числе ее кризисный характер) через авторскую трактовку понятия фундаментальной проблемы. При таком подходе фундаментальная проблема определяется с опорой на трансцендентальную философию И. Канта и рассматривается в ключе одновременного существования на разных уровнях познаваемого: эмпирическом, трансцендентальном и трансцендентном.

Иными словами, в противовес рассмотрению фундаментальной проблемы в качестве наиболее общей и абстрактной формулировки изучаемого вопроса, я предлагаю рассматривать в качестве фундаментальной проблемы проблему, существующую одновременно на всех уровнях познаваемого.

В результате с помощью анализа структуры фундаментальных проблем, на которые опирается та или иная научная область, их можно успешно сопоставлять, объясняя, в том числе, различия в концептуализации содержательно близких объектов исследования.

Ключевые слова: фундаментальная проблема, кризис психологии, кризис Европейских наук, трансцендентальная философия, картезианская философия, история психологии, структурная психология, бихевиоризм, нейрокогнитивная наука.

Введение

Мнения о текущем состоянии психологии как науки о психике, сознании и лежащих в их основе нейрофизиологических процессах разнятся. Как мини-

Мусс Александр Игоревич, к.филос.н., старший преподаватель каф.общей психологии факультета психологии СПбГУ, адрес для корреспонденции:
albertwanderer@gmail.com

Статья поступила в редакцию 15.11.2021, принята к публикации 29.12.2021

© А.И.Мусс

мум, некоторая часть исследователей говорит о временном, а часть — о перманентном кризисе психологической науки.

Такая неоднозначность интересна в особенности тогда, когда обращаешься к возрасту современной психологии (если считать с лаборатории В. Вундта, то получается примерно 122 года). В этом отношении, наверное, некорректно было бы сравнивать психологию с более старшими естественными и гуманитарными науками, часть которых послужила для Вундта примером в создании собственно физиологической психологии.

Может быть, дело в том, что психология — молодая наука? Однако есть науки, чья история в современном виде (ведь была психология и до физиологической психологии Вундта) началась значительно позже: например, у социальной и культурной антропологии, годом возникновения которой можно считать публикацию работы Ф. Боаса «Ум первобытного человека» (Боас Ф., 1926). Притом за все годы существования этой области знания разговор скорее ведется об антропологическом повороте в философии и науке, нежели о кризисе антропологического знания. Более того, историческая школа Анналов, появление которой было связано с глобальным переосмыслением объекта исторического исследования, появилась уже в 20-е годы XX века, не говоря уже о генетике, кибернетике, семиотике и многих других естественнонаучных и гуманитарных областях. Так что, возраст здесь явно не является оправданием для такого неоднозначного положения психологии.

Почему меня беспокоит подобная оценка состояния психологии? Хотя бы по той причине, что эта наука претендует на возможность изучения психики и сознания, которые представляют интерес для меня как для исследователя. Если наука как инструмент познания работает нестабильно, либо если в стабильности ее работы сомневаются наиболее авторитетные в данной области ученые, то обращение к состоянию психологии, его прояснение и возможное улучшение является для меня необходимым условием для развития интересующей меня темы.

От проблемы конкретной науки к определению фундаментальной проблемы

Один из возможных путей решения подобной проблемы — неоднозначности современного состояния психологии — обращение к истории и методологии науки с целью концептуализации принципов научного познания, чтобы затем, используя эти принципы в качестве методологических оснований, переработать психологию, сделав ее состояние более определенным хотя бы локально (в пределах научной группы или научной школы). Такого подхода, среди прочих, придерживались В.М. Аллахвердов, А.С. Кармин и Ю.М. Шилков в их цикле статей в журнале «Методология и история психологии» в 2007-2008 гг. (Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М., 2007а, 2007б, 2007в, 2008а, 2008б, 2008в). Эти работы до сих пор можно ус-

пешно использовать в преподавании методологии для студентов-психологов. Однако такой путь подразумевает по меньшей мере то, что современная философия науки может однозначно ответить на вопрос о том, что такое наука. Кроме того, выведение подобных принципов опирается на допущения 1) о всеобщности познания, 2) о наилучшем выражении познания в форме научного познания, 3) о наилучшем выражении научного познания в форме естественнонаучного познания.

То есть для того, чтобы реализовывать такой проект, психологии и психологам нужно согласиться или не иметь веских возражений по отношению к данным допущениям. Но 1) опора на какой-либо единственный принцип, закон или положение исторически всегда сталкивалась с набором конкурирующих первопринципов: воля здесь соревновалась с разумом, материальное с идеальным, единое с многим; 2) кроме того, можно вслед за П. Фейерабеном (1986), а также Ж. Делезом и Ф. Гваттари (Делез Ж., Гваттари Ф., 2021) приводить примеры других культур, для которых на месте научного познания находятся другие виды активности, оказывающиеся эффективными (медитативные и шаманские практики вместо психотерапии); 3) более того, говоря о зафиксированном в истории и философии науки успехе естественных наук, не стоит забывать о том, что современные социальные и гуманитарные науки не только используют сложнейшие точные методы для решения своих задач, но и предваряют применение этих методов серьезной концептуальной разработкой, которая учитывает не только сложные системы, но и языковой поворот в философии и науке.

Таким образом, перестройка психологии по какому-то конечному набору принципов научного познания вряд ли может быть однозначной, то есть к неоднозначности состояния психологии добавляются еще история и проблемы философии науки или проблемы возможности ее однозначной интерпретации. Кроме того, любая система принципов в этом случае будет фиксировать уже имеющееся состояние, как будто бы ограничивая процесс развития научного познания в прошлом (со всеми оцениваемыми в контексте носительными успехами и неудачами) и в будущем (никто не исключает ситуации, что последующее развитие науки сможет привести нас в том числе к новым концептуализациям самой науки).

В этой ситуации для прояснения состояния психологии я бы тоже хотел обратиться к методологии, однако не к существующим сводам правил, а к тем понятиям и концептам (в первую очередь, наиболее общим), на которые мы опираемся, рассуждая о различных науках. По этой причине в поисках ответа на вопросы я обращаю внимание на концепт, который определяет сердцевину науки, ее объект, а именно на концепт фундаментальной проблемы.

Фундаментальная проблема как наиболее абстрактная проблема

Что мы — исследователи и философы — имеем в виду, когда говорим о фундаментальных проблемах? Осторожно предположу, что фундаментальная проблема — это, в первую очередь, проблема исследования, имеющая одновременно наиболее общую (абстрактную) формулировку. При таком подходе фундаментальная проблема может быть представлена в виде проблемы определения центральных понятий и концептов внутри научной области, проблемы существования их реального содержания и возможности его описания. То есть фундаментальная проблема — это проблема человека вообще (Что такое человек? Существует ли человек? Насколько полно можно описать человека? Из чего он состоит?), проблема сознания вообще (Что такое сознание? Существует ли сознание? Насколько полно можно описать сознание? Из чего оно состоит?).

Как можно увидеть, в рамках той или иной области знания может существовать хотя бы одна, а чаще несколько фундаментальных проблем, которые связаны с центральными понятиями или концептами, заключающими в себя объекты их исследования. Прояснение содержания таких понятий и концептов — часть обязательного маршрута для каждой науки. Так, психология, начиная с физиологической психологии Вундта (Wundt, W., 1874), совершает свой путь от исследования души, понимаемой как объединение различных психических явлений, в основе которых лежат элементарные «единицы» субъективного опыта и переживаний (в основе которых — активность нейронов и их групп). В процессе же своего развития эта наука проясняет как перечень входящих в душу психических явлений, так и разнообразие исходных «единиц» субъективного опыта, опираясь в том числе на данные об их физиологической основе. Социальная и культурная антропология в этом случае сначала определяет человека через принадлежность к той или иной расе, затем — культуре, затем описывает разнообразие культур через связь универсальных потребностей с уникальными условиями, следом — через связь культуры и структур языка и так далее. Физика здесь начинается с первоосновы всего, затем конкретизирует ее до атомов, потом обращается внутрь атома, попутно уточняя характеристики пространства и времени, в которых они находятся, а также обращая внимание на взаимодействия между материальными объектами.

Таким образом, при данном определении фундаментальных проблем в их связи с объектом исследования в наиболее абстрактной формулировке мы можем различать области знания, можем оценивать, есть ли в этих научных областях общие фундаментальные проблемы (например, проблема человека для современной антропологии и психологии), можем ретроспективно оценивать, как менялись содержание и формулировка этих проблем. Однако мне сложно предположить, как такой подход может помочь разобраться в том,

почему современные физика (значительно старше психологии) и современная социальная и культурная антропология (относительно моложе психологии) находятся в значительно менее шатком положении, чем современная психология.

Фундаментальная проблема как актуальная нерешенная проблема

Попробуем обратиться к другому возможному определению. Например, фундаментальная проблема — это проблема, наиболее трудная в своем решении для данной области знания. Такой взгляд, напротив, показывает совокупность нерешенных актуальных вопросов, которые стоят перед той или иной научной областью. Теоретически, подсчитывая количество таких вопросов, можно было бы, например, сравнивать различные области знания по степени развития их содержания.

С другой стороны, насколько практически реализуема такая задача, особенно с учетом того, что одни и те же актуальные проблемы внутри конкретной научной области можно сформулировать различными способами? То есть сама возможность инструментального применения такого определения фундаментальной проблемы ограничена нашими возможностями однозначной формулировки таких проблем и, как дальнейшее следствие, возможностями однозначной формализации таких формулировок для оценки количества фундаментальных проблем.

Кроме того, если мы рассматриваем в качестве фундаментальных только актуальные и нерешенные проблемы, то, значит, если мы и можем наблюдать в динамике, как одни фундаментальные проблемы сменяют другие, то только в той мере, в которой этот статус оказывается подвижен: мы не сможем называть фундаментальными те проблемы, которые принадлежат прошлому или были решены в прошлом.

Иными словами, если мы называем фундаментальными наиболее актуальные нерешенные проблемы, то сталкиваемся с проблемой их формулировки и подсчета, и в таком виде обращение к концепту фундаментальной проблемы кажется мне неэффективным для рассмотрения интересующего меня вопроса — вопроса о причинах актуального статуса психологии.

Назад к Канту

Прежде чем предложить новую концептуализацию фундаментальной проблемы, которая позволила бы не только прояснить этот концепт, но попробовать выделить возможные причины неустойчивого статуса психологии как науки в современном мире, необходимо обратиться к тем авторам и тем основаниям, которые сделают возможной такую концептуализацию. То есть для реализации нашей цели нам нужна определенная философская концепция, которая могла бы стать методологической основой наших взглядов.

Поскольку все-таки мы так или иначе рассматриваем фундаментальную проблему как что-то нерешенное в настоящий момент или принципиально нерешаемое, следует обратиться к тем философам, кто в рамках своей гносеологии концептуализировал познаваемое и непознаваемое. Одним из первых и наиболее известных в этом отношении философов был Иммануил Кант.

Если мы обратимся к «Критике чистого разума» И. Канта (Кант И., 2020), то сможем увидеть, что и в своих рассуждениях о формах суждений, и в своих рассуждениях об априорных формах чувствительности, и в своих рассуждениях о категориях, и в своих рассуждениях о чистом разуме автор выстраивает определенную иерархию уровней познаваемого: эмпирический уровень, то есть уровень познания, доступный постижению исключительно через опыт, трансцендентальный уровень, то есть уровень познания, доступный постижению с помощью разума, и трансцендентный уровень, или принципиально непознаваемое. Одним из итогов такого представления стала идея разграничения ноуменов — вещей в себе, принципиально недоступных познанию, и феноменов, то есть вещей в том виде, в котором они существуют в нашем опыте, т.е. вещей в той мере, в которой они доступны нашему познанию.

При всех достоинствах, данная система взглядов значительно критиковалась впоследствии. Одно из существенных замечаний было связано как раз с возможностью существования принципиальных ограничений познания и существования вещей в себе. Вопрос, который возникал здесь и у последователей, и у критиков Канта (если мы ничего не можем познать полностью, то как вообще возможен прогресс в познании?) — проблема, которой противопоставлялись в том числе различные формы позитивистской философии (Карнап Р., Ган Г., Нейрат О., 2005).

Мне кажется, современная философия, пережившая лингвистический и антропологический повороты, может ответить на эту проблему более содержательно: идеи Канта об ограничениях познания ограничены в том же мере, в которой непрояснена связь языка и того, что с помощью него означается. Наиболее ярким в данном контексте примером является дискуссия о научном реализме и антиреализме: насколько полно описания изучаемых явлений в научных теориях соотносятся непосредственно с самими явлениями. В этом отношении я придерживаюсь скорее позиции антиреализма, поскольку 1) нам известны как минимум, единичные примеры из истории науки, когда научные теории работали с точки зрения производства нового знания, хотя впоследствии оказывалось, что вопрос их соответствия действительности — спорный (абсолютное пространство и время в Ньютонской механике, гелиоцентрическая модель Коперника с круговыми орбитами и т. д.), а также по той причине, что 2) различные логики как методологическая основа науч-

ных теорий (и как система правил, в соответствии с которыми они формулируются) оказываются также ограничены в своем строении.

Если объединить высказанные выше положения с идеями И. Лакатоса о существовании различных научно-исследовательских программ, которые конкурируют в вопросах производства нового знания (Лакатос И., 2008), а также с идеями М. Фуко о том, как изменения в языке на фоне изменений в науке, искусстве, политике, экономике и в обществе могут определять последующие изменения во всех указанных сферах человеческой активности (Фуко М., 1977), получается, что, с одной стороны, мы постоянно сталкиваемся с ограничениями нашего познания; более того, осознание таких ограничений и служит источником дальнейшего прогресса, но, с другой стороны, лишь в той мере, в которой мы пользуемся языком как инструментом мышления, и в той мере, в которой сам язык оказывается инструментом подвижным и ограниченным. Таким образом, уровни познаваемого в работах Канта не стоит рассматривать как строгие рамки, раз и навсегда ограничивающие исследователя: в той мере, в которой о трансцендентном мы можем сказать, что оно трансцендентно (когда мы маркируем в языке познаваемое как непознаваемое, определяем его место), то есть в той мере, в которой язык независим от нас, мы можем говорить о том, что непознаваемое вообще может со временем стать познаваемым через разум, а познаваемое через разум может стать познаваемым через опыт. Ближайший пример — рассмотрение бактерий в качестве причин возникновения заболеваний (например, сибирской язвы): в какой-то момент при отсутствии идей и методов причины заболеваний были непознаваемы; дальнейшее развитие философии и науки позволило предполагать разнообразные причины заболеваний, а появившиеся впоследствии методы позволили не только среди множества причин определить конкретные бактерии, но и убедительно показать эту связь за пределами академической среды.

Иными словами, если к идеям Канта мы добавляем относительную самостоятельность и подвижность языка, ровно как относительную самостоятельность и подвижность познания (которая начинается с появления возможности и действительности в философии Аристотеля, а достигает максимального выражения на данный момент в постструктурализме и его последующем осмыслении), то перед нами возникает система координат, в которой мы можем рассматривать как положение того, что мы исследуем в настоящий момент, так и динамику его изучения.

Фундаментальная проблема как проблема, существующая на всех уровнях познаваемого

Опираясь на подобную интерпретацию критической философии И. Канта, я хотел бы предложить к рассмотрению следующую концептуализацию фундаментальной проблемы, которая опирается на концепцию подвижных в язы-

ке и познании уровней познаваемого — эмпирического, трансцендентального и трансцендентного.

Различные философские и научные проблемы могут существовать при таком подходе на различных уровнях познаваемого, — более того, на нескольких уровнях одновременно. Например, проблема измерения в психологии: на трансцендентальном уровне — это проблема обоснования связи между числами, процедурой измерения и конкретными характеристиками психических явлений, на эмпирическом уровне — это вопросы проведения конкретного измерения конкретной психологической характеристики. Интересно, что в той мере, в которой эмпирические научные и философские проблемы требуют не создания новых методов, а комбинации и рекомбинации уже готовых, такие проблемы оказываются чем-то промежуточным между собственно-научным и инженерным.

При таком подходе фундаментальная проблема — это проблема, которая одновременно существует на всех уровнях познаваемого, то есть включает как вопросы, формулировка и решение которых возможны чисто эмпирически, в опыте, так и вопросы, формулировка и решение которых возможны рассудочно, а также вопросы и формулировки, которые (по крайней мере, пока) рассматриваются как нерешаемые. Более того, если мы связываем появление конкретной науки содержательно (а не организационно) с формулировкой какой-то исследовательской проблемы, то степень фундаментальности такой проблемы может служить предиктором оценки ее дальнейшего развития.

Такой уровневый подход к структуре фундаментальной проблемы, не являясь, как можно видеть, единственным или тем более финальным, позволяет более точно подойти как к изучению конкретных научных и философских областей, так и к сравнению таких областей.

Применение полученной концептуализации фундаментальной проблемы

Как мне кажется, такой подход позволяет предложить новую интерпретацию некоторых важных вех развития психологии. Когда В. Вундт создавал физиологическую психологию по образцу естественной науки, он, по его собственным словам, ставил перед собой задачу показать, что душа не является чем-то простым, то есть фактически вел заочную дискуссию еще с античными философами (Wundt, W., 1874). В той мере, в которой Вундт предлагал решение поставленной проблемы, он не рассматривал ее как что-то нерешаемое, т. е. у проблемы души Вундта отсутствует трансцендентный уровень. С другой стороны, такая проблема также лишена и эмпирического уровня: конкретные вопросы о строении души, связи между элементарными единицами субъективного опыта и нейронами — это вопросы, которые можно решить и которым Вундт предлагает сугубо рациональное решение.

Это уже впоследствии ученики Вундта создают клиническую психологию, психодиагностику (правда, в этом поле работали не только ученики Вундта) и психотехнику, стремясь в опыте применить разработанные физиологическими психологами идеи и методы в затруднительных ситуациях, которые возникают в непосредственном опыте: например, при взаимодействии с конкретными психически больными людьми, при разрешении вопросов взаимодействия человека со сложными техническими устройствами, а также при принятии решений во время отбора детей в классы и школы, а молодых мужчин — при отборе в армию.

Получается, при таком подходе нельзя сказать, что проблема, которую В. Вундт закладывал в основание новой науки, — физиологической психологии, — была фундаментальной; более того, ее нефундаментальность в нашем смысле — причина, почему последователи Вундта стремились расширить ее проблемное поле, а последователи последователей диагностировали кризис в психологии.

В тоже самое время проблема человека в социальной и культурной антропологии, к примеру которой я обращался выше — это и трансцендентная проблема человека как чего-то неопределенного, ускользающего от строгого определения и, в то же самое время, как будто бы очевидного в каждый момент времени (в том числе, в определенной мере, и проблема Другого), это и трансцендентальная проблема — проблема установления границ и рационального осмысления и содержания понятия человек, и его истории, и конкретных уже зафиксированных результатов (Философская антропология, 2003). В то же самое время, еще со времен Франца Боаса проблема человека — это эмпирическая проблема: как организовать диалог между европейским человеком-колонистом и жителем колоний, как помочь им понять друг друга, избежав преждевременных необоснованных оценок, наладить взаимодействие и т. д. (Боас Ф., 1926).

Как мне кажется, при сравнении психологии с социальной и культурной антропологией в поиске ответов на вопрос, почему последняя стремительно развивалась, а в первой постоянно возникают кризисы, одним из возможных ключей является разный уровень существования подлежащих решению проблем внутри этих дисциплин: проблема души, психики зачастую лишена трансцендентного, и иногда — эмпирического уровня, в то время как проблема человека существует сразу на всех трех уровнях познаваемого.

Даже сейчас, когда нейрокогнитивные исследователи вносят в психологию множество важных нововведений, психологическая практика, диагностика, исследования и теории существуют как будто бы в разных мирах, практически не имея пересечений. Редкое исключение здесь — использование методов и данных психологической диагностики в медицине, диагностика когнитивных функций для отбора, а также исследования, связанных с разработкой интерфейсов или оптимизацией процессов управления. Но и эти исследова-

ния, в свою очередь, не оставляют пространства непознаваемому, создавая уверенность, что через n -шагов все обозначенные затруднения получится разрешить.

В этом отношении интересны также и естественные науки, и если трансцендентный уровень их проблем существует в форме фундаментальных ограничений того, что возможно исследовать сейчас или же, напротив, актуализируется в ситуациях, когда готовые решения не работают (например, в ситуации кризиса Ньютоновской механики в XIX веке), то трансцендентальный уровень, связанный с подсчетами и их интерпретациями, сосуществует с вопросами конкретного приложения этих подсчетов в исследовательских и прикладных задачах.

Заключение

Таким образом, если при концептуализации фундаментальных проблем сместить ракурс исключительно от уровня абстрактности и актуальности в сторону подвижных уровней познаваемого, то мы можем получить инструмент, потенциально пригодный для оценки динамики и сравнения различных философских и научных областей.

Более того, в отношении психологии такой подход, на мой взгляд, открывает перспективы как для дальнейшей постановки и разработки специфических фундаментальных проблем этой области (то есть проблем, существующих одновременно на эмпирическом, трансцендентальном и трансцендентном уровне), так и для обращения внимания на те проблемы, которые, в нашем смысле, носят фундаментальный характер, но при этом не принадлежат конкретной науке или философской области.

Список используемых источников

1. Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М. Принцип простоты // Методология и история психологии. — 2007. — Т. 2. — N 1. — С. 230–246.
2. Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М. Принцип идеализации // Методология и история психологии. — 2007. — Т. 2. — N 2. — С. 147–162.
3. Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М. Принцип проверяемости // Методология и история психологии. — 2007. — Т.2. — N 3. — С. 152–163.
4. Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М. Принцип проверяемости. Часть II. Проверка теоретического знания // Методология и история психологии. — 2008. — Т. 3. — N 1. — С. 195–209.
5. Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М. Принцип проверяемости. Часть III. Стратегии независимой проверки // Методология и история психологии. — 2008. — Т. 3. — N 2. — С. 175–185.
6. Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М. Принцип преемственности, или как возможны научные открытия // Методология и история психологии. — 2008. — Т. 3. — N 3. — С. 167–180.
7. Боас Ф. Ум первобытного человека. — М.–Л.: Государственное издательство, 1926.
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. — Киев, 2021.

9. Кант И. Критика чистого разума. — М.: Аст, 2020.
10. Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание — Венский кружок // Логос. — 2005. — Т. 2(47). — С. 13–26.
11. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. — М.: Академический проект, 2008.
12. Марков Б.В., Исаков А.Н. Философская антропология. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003.
13. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. — М.: Прогресс, 1986.
14. Фуко М. Слова и вещи. — М.: Прогресс, 1977.
15. Wundt, W. Grundzuge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1974.

On the Defining the Fundamental Problem

Received: 15 November 2021; Accepted: 29 December 2021

Muss Alexander

Candidate of Sciences in Philosophy, Senior Lecturer, Department of General Psychology, Faculty of Psychology, St. Petersburg State University, Russia
Correspondence to: albertwanderer@gmail.com

This article attempts to explain the specifics of psychological science (including its crisis nature) through the author's interpretation of the fundamental problem concept. With this approach, the fundamental problem is defined using the distinction of the knowledge levels from Kant's transcendental philosophy: empirical, transcendental, and transcendence.

In contrast to defining the fundamental problem as the most general and abstract formulation of the studied issue, I consider the fundamental problem as a problem that exists simultaneously at all levels of knowledge.

As a result, this definition allows analyzing the structure of fundamental problems in the different sciences. So, this analysis compares sciences, whose research objects are substantially similar but have distinct conceptualizations.

Keywords: Fundamental Problem, the Crisis of Psychology, the Crisis of European Sciences, Transcendental Philosophy, Cartesian philosophy, History of Psychology, Structural Psychology, Behaviorism, Neurocognitive Science

References:

1. Allakhverdov, V.M., Karmin, A.S., Shilkov, Yu.M. (2007). Printsip prostoty [The Principle of Simplicity]. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 1, 230–246. (in Rus.).
2. Allakhverdov, V.M., Karmin, A.S., Shilkov, Yu.M. (2007). Printsip idealizatsii [The Principle of Idealization]. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 2, 147–162. (in Rus.).

3. Allakhverdov, V.M., Karmin, A.S., Shilkov, Yu.M. (2007). Printsip proveryayemosti [The Principle of Verifiability]. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 3, 152–163. (in Rus.).
4. Allakhverdov, V.M., Karmin, A.S., Shilkov, Yu.M. (2008). Printsip proveryayemosti. Chast' II. Proverka teoreticheskogo znaniya [The Principle of Verifiability. Part II. Testing Theoretical Knowledge]. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 1, 195–209. (in Rus.).
5. Allakhverdov, V.M., Karmin, A.S., Shilkov, Yu.M. (2008). Printsip proveryayemosti. Chast' III. Strategii nezavisimoy proverki [The Principle of Verifiability. Part III. Strategies for Independent Verification]. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 2, 175–185. (in Rus.).
6. Allakhverdov, V.M., Karmin, A.S., Shilkov, Yu.M. (2008). Printsip preyemstvennosti, ili kak vozmozhny nauchnyye otkrytiya [The Principle of Continuity, or How Scientific Discoveries are Possible]. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 3, 167–180. (in Rus.).
7. Boas, F. (1926). *Um pervobytnogo cheloveka* [The Mind of Primitive Man]. Gosudarstvennoye izdatel'stvo. (in Rus.).
8. Carnap, R., Hahn, H., Neurath, O. (2005). Nauchnoye miroponimaniye - Venskiy kruzhok [Scientific worldview - Vienna circle]. *Logos*, 47, 13–26. (in Rus.).
9. Deleuze, G., Guattari, F. (2021). *Kapitalizm i shizofreniya* [Capitalism and Schizophrenia]. Kiyev. (in Rus.).
10. Feyerabend, P. (1986). *Izbrannyye trudy po metodologii nauki* [Selected works on the methodology of science]. Progress. (in Rus.).
11. Foucault, M. (1977). *Slova i veshchi* [The Order of Things]. Progress. (in Rus.).
12. Kant, I. (2020). *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Ast. (in Rus.).
13. Lakatos, I. (2009). *Izbrannyye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* [Selected Works on Philosophy and Methodology of Science]. Akademichskiy projekt. (in Rus.).
14. Markov, B.V., Isakov, A.N. (2003). *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology]. Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Rus.).
15. Wundt, W. (1974). *Grundzuge der physiologischen Psychologie*. Verlag von Wilhelm Engelmann.